

УДК 34:002.6
DOI: 10.26140/bg23-2019-0804-0073

**ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДИНАМИКИ**

© 2019
AuthorID: 114881
SPIN: 3223-8166

Баранов Павел Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Южно-российский институт управления)*

(344002, Россия, Ростов-на-Дону, улица Пушкинская д. 70/54, e-mail: pravosoznanie@gmail.com)

AuthorID: 377145
SPIN: 1708-9960
ResearcherID: Q-5694-2019
ScopusID: 56613375000
ORCID: 0000-0003-1325-7967

Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук,
профессор кафедры правовых основ управления

МГИМО МИД России

(119454, Россия, Москва, проспект Вернадского 76, e-mail: mamychyev@yandex.ru)

AuthorID: 387770
SPIN: 3574-8494
ResearcherID: V-8883-2019
ScopusID: 56669773000

Мордовцев Андрей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры теории и истории российского и зарубежного права

*Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, улица Гоголя, 41, e-mail: aum.07@mail.ru)*

Аннотация. В статье рассматриваются процессы трансформации общественно-политической организации, изменения в политической и правовой системе, вызванные внедрением цифровых технологий и автономных алгоритмических систем. Обосновывается, что развитие машинного обучения и систем искусственного интеллекта чревато отстранением человека от принятия значимых социальных и политических решений. Непроницаемость и текучесть современных цифровых технологий обуславливает скрытый режим функционирования последних, где их специфика не закладывается в формулируемую повестку дня, в выработку и принятие управленческих решений или в планировании повседневной жизнедеятельности. В работе доказывается, что последствия четвертой технологической революции требуют возвращения стандартов прав человека, его свобод и законных интересов в качестве ведущего ориентира в глобальной цифровой конкуренции и в развитии отдельных общественных систем, а также необходимость разработки системы гарантий права человека и его безопасности в складывающихся принципиально новых цифровых отношениях. При этом информационно-цифровое законодательство нуждается в систематизации и приведении в стройное, непротиворечивое состояние.

Ключевые слова: государство, политика, право, искусственный интеллект, роботы, четвертая промышленная революция, цифровые технологии

**HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN THE DIGITAL AGE: PROBLEMS
AND PROSPECTS OF POLITICAL AND LEGAL DYNAMICS**

© 2019

Baranov Pavel Petrovich, doctor of law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation,
head of the Department of constitutional and municipal law

*Russian presidential Academy of national economy and public administration
(South Russian Institute of management)*

(344002, Russia, Rostov-on-don, Pushkin street, 70/54, e-mail: pravosoznanie@gmail.com)

Mamychyev Alexey Yurievich, doctor of political Sciences, candidate of legal Sciences,
Professor of the Department of legal foundations of management

MGIMO of the MFA of Russia

(119454, Russia, Moscow, Prospekt Vernadskogo 76, e-mail: mamychyev@yandex.ru)

Mordovtsev Andrey Yurievich, doctor of law, Professor, Professor of the Department
of theory and history of Russian and foreign law

Vladivostok state University of Economics and service

(690014, Russia, Vladivostok, Gogolya street, 41, e-mail: aum.07@mail.ru)

Abstract. The article deals with the transformation of socio-political organization, changes in the political and legal system caused by the introduction of digital technologies and Autonomous algorithmic systems. It is proved that the development of machine learning and artificial intelligence systems is fraught with the removal of a person from making significant social and political decisions. The impenetrability and fluidity of modern digital technologies leads to a hidden mode of operation of the latter, where their specificity is not laid in the formulated agenda, in the development and adoption of management decisions or in the planning of everyday life. The paper proves that the consequences of the fourth technological revolution require the return of human rights standards, freedoms and legitimate interests as a leading benchmark in the global digital competition and in the development of individual social systems, as well as the need to develop a system of guarantees of human rights and security in the emerging fundamentally new digital relations. At the same time, information and digital legislation needs to be systematized and brought into a coherent, consistent state.

Keywords: government, politics, law, artificial intelligence, robots, fourth industrial revolution, digital technologies

ВВЕДЕНИЕ

Современные общественно-политические организа-

ции, экономическая и правовая системы на евразийском
пространстве трансформируются под воздействием циф-

ровизации общества. Трудность прогнозирования этих процессов очевиден, это прежде всего связано с непрогнозируемостью и текучестью современных алгоритмических систем и цифровых технологий [1; 2]. Ни политики, ни юристы, ни управленцы, ни тем более обычный человек не обладает сегодня необходимыми компетенциями в сфере современных инноваций, внедряемых повсеместно в нашу жизнь, в специфике и нюансах функционирования цифровых устройств и автономных алгоритмов. Более того, в большинстве случаев эта специфика и нюансы не закладываются в формулируемую повестку дня, в выработку и принятие управленческих решений или в планировании повседневной жизнедеятельности. Даже государственные решения принимаются с опорой на сформулированные корпусом специалистов в сфере IT рекомендации и инструкции. Хотя последние также постепенно утрачивают свою экспертную власть с развитием машинного обучения и систем искусственного интеллекта, что чревато отстранением человека от принятия вообще каких-либо значимых, для себя или общества, решений [3].

В этом плане все сложнее и сложнее понять действуют ли цифровые технологии и автономные алгоритмические системы в соответствии с универсальными правовыми принципами и нормами, учитываются ли при их разработке и внедрении права и свободы человека, являются ли ведущими для них этические стандарты и иные ценностно-нормативные системы, выработанные человеком и конкретным обществом в частности. Причем, данные «алгоритмы разрабатываются сторонами, которые не отвечают ни перед кем, кроме своих клиентов и заказчиков, а инструменты, которые они производят, почти никогда не оцениваются по другим критериям, кроме минимального: достаточно, чтобы все видели, что они работают. Мы должны понимать, что происходит на самом деле: беспрецедентное вторжение небольшой группы частных и никому не подотчетных акторов в структуры возмужностей и распределение шансов в жизни» [4, с. 330].

Конечно, инновационные цифровые технологии и алгоритмические системы знают о нас сегодня значительно больше, чем мы о них, их влияние на нашу публичную и повседневную жизнь колоссально, с каждым годом оно только увеличивается. Если раньше человек как сложная система биологических алгоритмов, уникальных жизненных процессов, субъективных поведенческих моделей и эмоциональных реакций выступал «черным ящиком», то с развитием гуманитарных и социальных наук он стал открытой и управляемой системой [5]. В настоящее время как для человека, так и для науки таковым «черным ящиком» является автономные цифровые алгоритмы и системы искусственного интеллекта. Постгуманистическая эпоха встраивает в социально-политическую повестку дня не столько наши интересы и ценности, права и свободы, сколько потребности для создания условий интенсивного развития алгоритмических цифровых технологий и совершенствования систем искусственного интеллекта.

Последнее естественно требует переосмысления «свершившейся технологической революции» [6], возвращению стандартов прав человека, его свобод и законных интересов в качестве ведущего ориентира в глобальной цифровой конкуренции и в развитии отдельных общественных систем. Как совместить действующие ценностно-нормативные регуляторы и развивающуюся цифровую культуру, гарантировать права человека и обеспечивать его безопасность в складывающихся принципиально новых цифровых отношениях, где посредником, а вскоре и ведущим актором (в качестве действующей сущности) станут цифровые субъекты. Вот вопросы, которые необходимо ставить и решать в настоящий момент.

Обзор подходов, исследовательских позиций и правовых основ регулирования. Проблемы цифровизации окружающей действительности все чаще становятся

предметом исследований представителей психологической, социологической и политической науки [7]. Не обходят своим вниманием данную проблему и представители юридической науки. К наиболее часто обсуждаемым вопросам в этой связи можно отнести защиту интеллектуальных прав, сохранность персональных данных, способы автоматизации правотворчества и правоприменения, модернизацию способов публичного управления и воздействия, способы защиты цифровой публичной инфраструктуры и др. [8]. В условиях возрастающих амбиций государства в сфере контроля виртуального пространства особое внимание приобретают вопросы, касающиеся обеспечения неприкосновенности частной виртуальной жизни граждан, тайны переписки, телефонных переговоров, свободы слова в интернете и др. [9].

Отдельного внимания заслуживает проблема полноценной реализации и обеспечения прав и свобод граждан в цифровую эпоху, в частности, в виртуальном и цифровом пространстве [10]. В современной юридической науке начала последовательно разрабатываться идея так называемых «цифровых прав» [11]. Отдельное внимание данной проблеме уделили представители науки конституционного права. В частности, председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин совершенно справедливо отмечает, что цифровые права человека рождаются в процессе конкретизации как на уровне правотворчества, так и на уровне правоприменения универсальных прав человека в сфере цифрового и виртуального пространства [12].

Совершенствование системы государственных гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в информационной сфере заявлено в качестве одной из целей реализации российской государственной программы «Информационное общество (2011 - 2020 годы)» [13]. В этой связи отметим, что часть авторов определяет данную группу прав как информационные [14]. В рассматриваемом случае имеется в виду не традиционное понимание информации, как сведений передающихся или не передающихся от одного индивида к другому, а тот факт, что в основе современных цифровых технологий лежит факт обработки и систематизации весьма значительных массивов данных.

С другой стороны, рассматривая возможность доступа к сети Интернет и ее использования как способ получения и передачи информации, в качестве реализации конституционного права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29), а также иных прав и свобод, регулирующих взаимоотношения человека и государства в сфере информации (ст. 23, ст. 24 и др.), следует признать, что такое обозначение указанной группы прав достаточно логично. Однако следует помнить, что подобная человеческая деятельность, в том числе в виртуальном пространстве возможна и в «офлайн» режиме. Кроме того, понимание глобальной цифровой сети как способа получения и передачи информации ушло в прошлое. Современная глобальная цифровая инфраструктура давно не ограничивает себя задачами коммуникации.

Достаточно неожиданным стало введение в официальный юридический оборот категории «цифровые права» в значении, значительно расходящемся с тем, которое было предложено представителями конституционно-правовой науки. Речь идет о принятии Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [15]. Как поясняют специалисты справочно-информационной системы Консультант плюс данный документ понадобился для того, чтобы «подготовить Гражданский Кодекс РФ к последующему принятию законов о цифровых финансовых активах (криптовалюте и токенах) и краудфандинге (привлечении инвестиций через электронные площадки)» [16].

В соответствии с этими изменениями под «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». Речь в данном случае может идти в том числе о технологии блокчейн. Таким образом, вопрос о том, как же называть условную группу прав, возникших в результате конкретизации конституционных прав и свобод человека и гражданина в цифровом, информационном, виртуальном пространстве остается открытым. Однако, предполагаемая по этому поводу дискуссия, на наш взгляд, обещает быть острой и коснется не только вопросов терминологии, но и проблем концептуального и общетеоретического характера. Что же касается современного российского законодателя, то он, за редким исключением, предпочитает использовать в данной связи прилагательное «информационный».

Нужно сказать, что набор таких конкретизирующих (цифровых, информационных) прав у различных авторов может варьироваться, что не удивительно. Исходя из понимания цифровых прав, как прав конкретизирующих основные права и свободы в цифровом виртуальном пространстве можно предположить, что значительная часть конституционных прав человека и гражданина будет иметь свою цифровую интерпретацию. Конституционное право на объединение (ст. 30) будет конкретизироваться на уровне объединения в интернет-сообщества, социальные сети, тематические группы в социальных сетях и др. Право на подачу коллективных электронных петиций будет конкретизировать конституционное право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33). Право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41) может конкретизироваться правом на электронную запись на официальном портале медицинских услуг и т.д. Конституционное право на образование (ч. 1 ст. 43) предполагает право на дистанционные формы обучения и т.д. Данный список можно было бы продолжить, одновременно отметив, что не все из указанных прав получили достаточное развитие и закрепление на уровне отраслевого законодательства.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование правовой концепции, проектов доктринально-правовых документов и дентологических актов опирается на разработки в области теории права, социологии права, философии права и методологии юридической науки, принадлежащие отечественным и зарубежным специалистам, а также теоретико-концептуальные и методологические положения юридической герменевтики, антропологии права, юридической техники. Кроме этого, работа опирается на сравнительно-правовой, конкретно-социологический и формально-юридический (догматический) методы, а также методы правового прогнозирования и моделирования.

Формально-юридический (догматический) метод предусматривает исследование юридических фактов и юридических текстов, их толкование в логической последовательности с использованием специальных юридических терминов и конструкций. Сравнительно-правовой метод предусматривает комплексное изучение правовой основы регулирования сквозных цифровых технологий в различных странах, в сопоставлении юридического опыта различных стран и народов, выяснение традиций и новаций в развитии концепции правового регулирования цифровой трансформации общественных отношений. Социологический метод применительно к заявленной теме состоит в исследовании социальной сущности цифрового взаимодействия и различных цифровых технологий на базе конкретных социальных фактов. Метод правового моделирования используется в контексте формирования и обоснование доктриналь-

но-правовой основ, отдельных нормативно-правовых положений и других правовых новаций, необходимых для формирования адекватной и эффективной системе социально-правовой превенции и юридического противодействия цифровым угрозам и рискам в Российской Федерации в контексте обеспечения национальной безопасности, защиты прав, свобод и законных интересов личности и общества.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В настоящий момент, сформировать полный и исчерпывающий перечень цифровых прав на сегодняшний день задача труднодостижимая. В рамках данной статьи хотелось бы обратить внимание не только на те цифровые права, появление которых стало возможно по итогам глобальной цифровой революции, но и права – важность защиты которых значительно актуализировалась в связи с появлением как дополнительных способов их обеспечения, так и дополнительных возможностей их нарушения.

В первую очередь выделим право на использование различных электронно-вычислительных устройств и средств связи, работающих в том числе посредством сети Интернет. В своем системном виде данные права не получили закрепления в действующем российском законодательстве и находятся на стадии теоретической разработки. Однако уже сейчас можно говорить о том, что они могут быть ущемлены производителем, продавцом, провайдером, сотовым оператором, злоумышленниками, а также государством и его представителями. Здесь же отметим и право на неприкосновенность частной информационной среды, которое может нарушаться в процессе распространения «назойливой» рекламы, спама, вирусных атак и др.

Особое внимание в современных условиях приобретает право на защиту цифровых интеллектуальных прав. Не вызывает сомнений, что развитие цифровых технологий сделало проблему нарушения авторских прав, в частности, в Интернете одной из актуальнейших проблем современной юридической науки. Это касается как традиционных объектов авторского права – «произведений науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения», так и «программ для ЭВМ, которые охраняются как литературные произведения» в соответствии с ч. 1 ст. 1259 Гражданского Кодекса РФ [17]. Защита интеллектуальных прав в цифровую эпоху посвящено значительное количество научных исследований. Не ставя перед собой задачу полноценного рассмотрения данной проблемы, отметим лишь, что на сегодняшний день распространение пиратского контента в сети Интернет пресекается, как правило, блокировкой соответствующих сайтов и блокировкой так называемых «анонимайзеров», владельцы которых не исполняют обязанностей по ограничению доступа к соответствующим сайтам [18].

Однако юридической ответственности за использование «анонимайзеров» конкретными пользователями не предусмотрено, а техническая возможность «договориться», например, с владельцами популярнейшей анонимной сети «Тор» отсутствует, что дало основание некоторым авторам утверждать, что большая часть усилий государства в этой связи лишь способствовала повышению технической компьютерной грамотности населения. Как показало время в деле защиты авторского права немалая роль принадлежит самим правообладателям и официальным распространителям лицензионного авторского контента. Умение сформулировать и предложить доступные для населения варианты пользования объектами авторского права в подавляющем большинстве случаев выступает в качестве важнейшего стимула для приобретения лицензионной продукции.

Нельзя не отметить право на создание и публикацию цифровой информации, а также на доступ к ней. Данное право конкретизирует положения ч.1 и ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, а также отдельные положения иных статей Основного Закона. В данной связи отметим, что

право на информацию, реализуемое при помощи новейших цифровых технологий, обогащается новыми формами реализации и обеспечения. Долгое время именно пространство Интернет оставалось зоной практически полностью свободной от цензуры (в широком значении данного термина), однако в последнее время российской государство стало уделять значительное внимание проблеме ограничения свободы слова в виртуальных сетях, путем введения дополнительных законодательных запретов и ужесточения юридической ответственности за их нарушение.

В этой связи активно дискутируются новеллы российского законодательства призванные поставить под государственный контроль распространение информации и общение граждан в виртуальном пространстве, в частности, отнесение к «мелкому хулиганству» распространения в информационно-телекоммуникационных сетях «информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации» [19]. Не вдаваясь в подробности соответствующей дискуссии, которая всем хорошо известна и затрагивает как непосредственно правовые, так и правоприменительные аспекты данной проблемы, отметим лишь, что даже с точки зрения юридической техники такую формулировку едва ли можно назвать удачной. Аналогичные изменения в части, касающейся блокировки соответствующих ресурсов были внесены в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Не меньшее количество дискуссий в контексте обеспечения конституционного права право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений вызвали еще ранее установленные требования к операторам связи хранить текстовые сообщения, голосовую информацию, изображения, звуки, видео и иные сообщения пользователей до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и обработки [20].

Относительно обособленной группой цифровых прав являются права, призванные обеспечить реализацию конституционных принципов в сфере демократического устройства российского государства. Категория «электронная демократия» прочно входит в современный конституционно-правовой обиход [21; 22]. Активно разрабатываются формы «электронного» участия граждан в управлении делами государства (общественные обсуждения проектов нормативных правовых актов, различные виды политической активности, обеспечения системы прямой и обратной связи между избирателями и их избранными и др.) [23]. Отдельного внимания в контексте реализации избирательных прав граждан, а также подготовки проекта избирательного кодекса и разработки возможных правомерных способов дистанционного электронного голосования приобретает проблема (пока еще не имеющая своего ясного технического решения) электронной идентификации личности, призванной упростить избирательную процедуру и повысить электронную активность российских граждан [24].

В качестве цифровых прав, обеспечение которых вызывает не меньшее внимание со стороны научного сообщества, также называют право на защиту цифровой персональной информации, право на защиту доброго имени цифровой личности, право на защиту частной жизни потребителя, в том числе при обработке личных данных и др. Следует также отметить тот факт, что в последнее десятилетие наметилась устойчивая тенденция перевода многих правообеспечительных и правогабаритирующих функций государства в цифровую виртуальную сферу. Последнее обстоятельство также позволяет говорить о возможности выделения особых цифровых прав, высту-

пающих в качестве прав-гарантий по отношению к правам, закрепленным в тексте Конституции РФ.

Одной из концептуальных проблем в эпоху расцвета цифровых технологий выступает проблема «виртуального» и «реального» в праве. Не секрет, что значительная часть жизни современного человека («пользователя»), а также общества и государства протекает в виртуальной сфере. Исходя из важности и значимости конституционных положений о праве на частную собственность (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ) и праве на труд (ст. 37 Конституции РФ), можно сказать, что отдельного внимания заслуживает проблема виртуального имущества и тесно связанная с ней проблема виртуального заработка. В наши дни огромное количество людей вкладывают свое время и ресурсы в «прокачивание» своих виртуальных аккаунтов в тех или иных компьютерных играх.

Можно ли воспринимать накопленные в интернете ресурсы как полноценное имущество человека, как его частную собственность, а игру - как полноценную работу? Считается, что практика реального заработка за внутриигровое имущество наиболее распространена в популярном шутере «Counter-Strike: Global Offensive». На примере данной игры можно рассмотреть принцип торговли имуществом, накопленным в результате игры. Основным товаром являются скины (графическое оформление того или иного элемента игры). Процесс получения скинов прост — они выпадают из внутриигровых сейфов, которые выпадают в процессе игры. Соответственно, чем больше ты играешь, тем больше шансов получить дорогой скин и продать его. Несмотря на то, что скины никак не влияют на показатели оружия, только на внешний вид, самые редкие из них стоят несколько тысяч долларов. И хотя непосредственно в самом «Steam» могут осуществляться покупки только в игровой валюте, существует масса торговых площадок для продажи игрового инвентаря.

Подобная система демонстрирует, что в современном мире человек действительно может вкладывать время и силы в игры, используя их в качестве «основного» места работы, получая от этого реальную материальную прибыль. Некоторые игры становятся идеальной площадкой не только размещения рекламы, но и найма виртуальной рабочей силы. Игроки, нежелающие тратить часы своего времени для добывания того или иного ресурса (предмета) нанимают других игроков для выполнения миссий, после чего переводят им реальные деньги.

Существуют целые организации, массово нанимающие работников для выполнения механических действий на бесплатных аккаунтах в играх с целью сбора ценных ресурсов для дальнейшей продажи. Подобных работников называют «фермерами», и в случае, когда те являются простыми работниками, они довольно мало получают. С этими же целями игроки создают «ботов», которые будут выполнять за них утомительную часть сбора средств. Подобные действия можно совершать в таких играх, как «Guild Wars 2». Десятки площадок позволяют людям продавать заработанный ими внутриигровой инвентарь, но некоторые из них продают и целые аккаунты. Опытному геймеру нужно не так много времени, чтобы развить персонажа в онлайн игре, после чего он выставляет аккаунт на продажу, чтобы другой пользователь мог начать играть без утомительных механических действий, с накопленной внутриигровой валютой и с мощными параметрами.

На сегодняшний день можно говорить о том, что ошутимая часть личного имущества уходит в виртуальное пространство. С течением времени все большее количество людей будет подключаться к заработку с помощью игр, так как благодаря современным и проверенным платформам этот процесс стал максимально удобен и безопасен. При этом всегда будет риск, что онлайн игра внезапно «пропадет» навсегда, оставив пользователя без накопленных им средств и ресурсов. Таким

образом, сфера виртуального заработка и виртуального имущества уже сейчас должна рассматриваться в качестве одной из приоритетных сфер нормативного правового регулирования.

Также на уровне теории все еще находится разработка проблем, связанных с идеей наделения искусственного интеллекта и робототехники, созданной на ее основе, элементами правосубъектности. Как отмечают в этой связи исследователи, «в сфере правового регулирования появляются отношения, в которых если не субъектом, то, как минимум, участником становится новая цифровая личность – робот» [25]. На наш взгляд, первоочередная задача в этой связи – это выработка концептуальных подходов и обобщений, которые будут положены в основу будущего федерального закона о робототехнике и тех изменений, которые затронут отраслевое законодательство. Обоснование этих принципов может коснуться пересмотра некоторых положений общей теории права, касающихся, прежде всего, теории правоотношений, включая вопросы правоспособности и дееспособности субъектов и объектов правоотношений, юридических фактов и их классификации и т.д. [26].

Достаточно актуальными являются вопросы кибербезопасности. Для решения задач по обеспечению устойчивого функционирования различных информационно-управленческих систем в случае организации компьютерных атак принят Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [27], вступивший в силу 1 января 2018 г. Реализация этого Закона требует решения сложных организационно-технических и правовых вопросов. Не вызывает сомнения, что существует объективная необходимость усиления охраны баз данных объектов собственности, банков, налоговой службы, пенсионных фондов и др. с целью предотвращения утечки личных данных.

ВЫВОДЫ

Выше обсуждаемое далеко не полный перечень актуальных проблем и вызовов, возникающих вследствие информатизации, цифровизации и виртуализации окружающего пространства. В этой связи отметим важность комплексного понимания всего блока сопутствующих данной проблематике вопросов и путей их дальнейшей разработки. Одномоментным и точечным правовым регулированием конкретных прав и их гарантий в данном случае не обойтись. Информационно-цифровое законодательство нуждается в систематизации и приведении в стройное, непротиворечивое состояние. Одним из вариантов такой систематизации могло бы стать принятие Информационного кодекса Российской Федерации, проект которого был подготовлен Институтом государства и права РАН еще в 2014 г.

Новая цифровая реальность требует нового понимания всего механизма правового регулирования и, что особенно важно, нового понимания места права в стремительно меняющемся цифровом обществе. Полноценное обеспечение конституционных прав и свобод человека в информационной сфере не только требует постоянной и кропотливой работы на «опережение» в системе правового регулирования, но и предполагает выработку актуальных научных подходов концептуального характера, которые бы не ограничивались очередной системой запретов, а основывались на социально и политически обусловленном балансе частных и публичных интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Pasquale F. *The Black Box Society: The Secret Algorithms Behind Money and Information*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. 320 pp.
2. Baranov P., Mamychyev A., Mordovtsev A., Danilyan O., Dzeban A. (2018) Doctrinal-legal and ethical problems of developing and applying robotic technologies and artificial intelligence systems (using autonomous untanned underwater vehicles) // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. № 2. р. 465 – 472
3. Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 416 с.
4. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседнев-

- ной жизни. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 424 с.
5. Каку М. Будущее разума. 4-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 646 с.
6. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во Эксмо, 2019. 208 с.
7. Darrel Menhe (1998). Jurisdiction In Cyberspace: A Theory of International Spaces 4 Mich.Tel.Tech.L. Rev.3 April 23, URL: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1163&context=mtlr>.
8. David R. Johnson and David G. (1996). Post, Law and Borders—The Rise of Law in Cyberspace // Stanford Law Review. vol. 48, 1367, 1378–9.
9. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Книжный мир, 2018. 416 с.
10. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Баранов П.П. Основы национальной безопасности. М.: РИОР ИНФРА-М, 2018. 224 с.
11. Baranov P., Mamychyev A., Ovchinnikov A., Petruk G., Krupnitskaya V. (2017). Interdisciplinary and “postdisciplinary” approaches in the archetypal studies of the public-power organization of society // Man in India. Volume: 97. Number 23. P. 375 – 387.
12. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 30 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valerija-zorkina-na-pmyuf/>
13. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (ред. от 02.02.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011 - 2020 годы)» // Собрание законодательства РФ. 05.05.2014. № 18 (часть II). Ст. 2159.
14. Колесников Е.В. Развитие информационных прав граждан в Российской Федерации и Республике Казахстан: конституционный аспект // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 13 – 16.
15. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.03.2019. № 12. Ст. 1224.
16. «С 1 октября 2019 года в Гражданском Кодексе РФ появятся цифровые права» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320475/
17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496
18. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
19. Федеральный закон от 18.03.2019 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 25.03.2019. № 12. Ст. 1218.
20. Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 11.07.2016. № 28. Ст. 4558.
21. Антонов Я.В. Электронная демократия как конституционно-правовой феномен // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 11. С. 13 – 17.
22. Baranov P., Mamychyev A., Plotnikov A., Vershinina S., Mychak T. (2018) Interactive communication and modernization technologies of governmental administration in modern society: main contradictions and direction of development // Herald NAMSCA. № 2. p. 458-464.
23. Конституционно-правовая политика современной России: идеи, приоритеты, ценности, направления: монография / П.П. Баранов, А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев [и др.]. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. 248 с.
24. Карчиха А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 17 – 26.
25. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 94.
26. Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы. Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 1. С. 39-45.
27. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2017. № 31 (Часть I). Ст. 4736.

Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ «Национально-культурные и цифровые доминанты развития политических отношений в XXI веке» (№ 19-011-31031)

Статья поступила в редакцию 19.09.2019
Статья принята к публикации 27.11.2019